

8. Kovaliv, Yu.I. (Comp.). (2007), *Literary Encyclopedia in 2 vol.* Vol. 1 [*Literaturoznavcha encyklopediia u 2 t.* T. 1], Akademiia, Kyiv, 622 p. (in Ukrainian).
9. Lopukhin, A. P. (1904-1907), *The Elucidated Bible or the annotations of all books of the Old Testament and the New Testament in 11 vols.* Vol. 1 [*Tolkovaya Bibliia, ili kommentariy na vsie knihi Sv. Pisaniya Vietkhaho i Novaho Zavieta w 11 t.* T. 1], Petersburg, 669 p. (in Russian).
10. Moroz, T. "The first complete translation of the Bible in Ukrainian: its origination and edition" ["Pershyi povnyi pereklad Biblii ukrayinskoyu movoyu: istoriia stvorennia i vydannia"], available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npchdufm_2016_278_266_18 (in Ukrainian).
11. Nimchuk, V. "The Ukrainian translations of the Holy Scripture" ["Ukrayinski pereklady Sviatoho Pysma"], available at: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/12168> (in Ukrainian).
12. (2009), *The collection of akathests [Akafistnik]*, Tyrazh-51, Kramatorsk, 768 p. (in Russian).
13. "The Lessons of the Bible. Akathest 'The Queen of all'" ["Uroky Biblii. Akafist 'Vsetsarytsia'"], available at: <http://bible-lessons.in.ua/akafist/vsezaruzja.html> (in Ukrainian).
14. "Ukrainian translation by I. Ohiyenko", Online Bible ["Ukrayynskiy pereklad I. Ohiyenka", Biblia Onlain], available at: <https://www.bibleonline.ru/bible/ukr/> (in Ukrainian).
15. Fasmer, M.E. (1971), *The Etymological Dictionary of the Russian language in 4 vols.* Vol 1 [*Etimolohicheskii slovar russkoho yazyka w 4 t.* T. 1], Progress, Moscow, 562 p.; Vol 3, 826 p. (in Russian).
16. Franko, I.Ya. (1982), The Poem about the creation of the world, *Collected works in 50 vols.* Vol. 35 [Poema pro stvorennia svitu, Zibrannia tvoriv u 50 t. T. 35], Naukova dumka, Kyiv, pp. 275-276. (in Ukrainian).
17. Franko, I.Ya. (1982), The 60-th years in Galicia, *Collected works in 50 vols.* Vol. 41 [60-ti roky v Halychyni, Zibrannia tvoriv u 50 t. T. 35], Naukova dumka, Kyiv, pp. 310-326. (in Ukrainian).
18. Vyshensky, I. (1986), *Compositions [Tvory]*, Dnipro, Kyiv, 247 p. (in Ukrainian).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОТИВА СМЕРТИ В НОВЕЛЛЕ В. СТЕФАНИКА «ПОВЕСИЛСЯ» И РАССКАЗЕ А. ЧЕХОВА «ТОСКА»

Наталія Ботнарєнко

Кандидат філологічних наук, преподаватель,
Кафедра мировой литературы и сравнительного литературоведения,
Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника (УКРАИНА),
76018, г. Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57,
e-mail: nataliia.botnarenko@pu.if.ua

UDC: 82.091: 82.091:821.161.2 + 821.161.1

РЕФЕРАТ

Цель. Стаття посвящена дослідженню семантики мотива смерті в новелі В. Стефаніка «Повесилсся» і розповіді А. Чехова «Тоска». **Исследовательская методика.** В роботі використані історико-літературний, порівняльно-типологічний, культурно-історичний методи. **Результаты.** Під кутом порівняльного аналізу проаналізована семантика мотива смерті в новелі В. Стефаніка «Повесилсся» і розповіді А. Чехова «Тоска», в частині визначені особливості символіки, колористики, художественного часу і простору, ритуалу в художественних текстах. **Научная новизна.** В роботі вперше з допомогою порівняльного аналізу досліджені особливості семантики мотива

смерти в новелле В. Стефаника «Повесился» и рассказе А. Чехова «Тоска». **Практическое значение.** Материал статьи может быть использован при дальнейшем изучении литературного процесса эпохи пограничья конца XIX – начала XX вв., в частности творчества В. Стефаника и А. Чехова.

Ключевые слова: экзистенциальность, пограничная ситуация, мотив, семантика.

ABSTRACT

Nataliia Botnarenko. *Interpretation of the motif of death in V. Stefanyk's short story «Executed himself» and A. Chekhov's story «Melancholy».*

Aim. The article deals with the research of the motif of death in V. Stefanyk's short story «Executed himself» and A. Chekhov's story «Melancholy». **Methods.** In the article has been applied literary-historical, typological and comparative cultural and historical methods. **Results.** In scope of comparative analysis there has been studied the semantics of the motif of death in V. Stefanyk's short story «Executed himself» and A. Chekhov's story «Melancholy», in particular there have been defined the peculiarities of the symbols, colors, artistic time and space and ritual in the texts. **Scientific novelty.** In the article the peculiarities of the motif of death in V. Stefanyk's short story «Executed himself» and A. Chekhov's story «Melancholy» are studied from the point of view of comparative literature for the first time. **The practical significance.** Material of the article can be used for further study of the literary process of the late 19th – early 20th century, including works by V. Stefanyk and A. Chekhov.

Key words: existentiality, boundary situation, motif, semantics.

РЕФЕРАТ

Наталія Ботнарєнко. *Інтерпретація мотиву смерті у новелі Василя Стефаника «Стратився» й оповіданні А. Чехова «Туга».*

Мета. Стаття присвячена дослідженню семантики мотиву смерті у новелі В. Стефаника «Стратився» та оповіданні А. Чехова «Туга». **Дослідницька методика.** У роботі використані історико-літературний, порівняльно-типологічний, культурно-історичний методи. **Результати.** Під кутом компаративного аналізу проаналізована семантика мотиву смерті в новелі В. Стефаника «Стратився» та оповіданні А. Чехова «Туга», зокрема визначено особливості символіки, колористики, художнього часу і простору, ритуалу в художніх текстах. **Наукова новизна.** У роботі вперше за допомогою компаративного аналізу досліджено особливості семантики мотиву смерті у новелі В. Стефаника «Стратився» та оповіданні А. Чехова «Туга». **Практичне значення.** Матеріал статті може бути використаний при подальшому вивченні літературного процесу епохи помежів'я кінця XIX – початку XX ст., зокрема творчості В. Стефаника і А. Чехова.

Ключові слова: екзистенційність, межева ситуація, мотив, семантика.

Именно в период конца XIX – начала XX в. писатели начали усиленно углубляться во внутренний мир человека, его сознание, а также в бессознательное, метафизическое. В частности, экзистенциальные проблемы «жизни и смерти», значимости человека в этом мире или, наоборот, его незначительности, стали предметом внимания практически всех писателей эпохи пограничья. Так, большинство исследователей творчества В. Стефаника наблюдают трагическое мировоззрение писателя с тяготением к описанию аффективных состояний сознания человека. Как отмечает С. Хороб, «...в прозе Василия Стефаника немало мотивов и образов, тесно сопряженных с катастрофизмом...» [4, с. 257]. Так же

Н. Е. Разумова указывает, что смерть является одним из основных онтологических вопросов в художественной картине Чехова, характеризующий всю систему авторских ценностей [см.: 6, с. 445].

Что характерно, в творчестве В. Стефаника и А. Чехова мотив смерти представлен в различных вариантах и выражениях. Этот мотив встречается чрезвычайно часто (что не может не удивлять) и удерживает в себе разнообразную семантику.

Возникает вопрос: почему писателей так интересовала эта проблема? Ведь «...смерть героя всегда – модель смерти автора как человека, какой он ее себе представляет» [6, с. 445]. Очень интересными являются мысли В. Стефаника и А. Чехова, зафиксированные в письмах, где писатели поразительно похоже подходят к феномену смерти, именно в экзистенциальном духе. Смерть как явление их не пугает, отношение писателей к этому явлению совершенно спокойное:

Стефаник: «В начале января этого года я тяжело заболел на мозговой удар, а через неделю имел воспаление легких <...>. Врачи решили, что состояние мое плохое, и я тогда продиктовал Вам письмо с содержанием, чтобы Вы <...> справили мне скромный похорон»¹ (к Кириллу Студинскому от 9 февраля 1930); «В течении нескольких недель я болел, думал покидать этот прекрасный мир и потому, эксцеленцие, извините, не прислал благодарность за Ваш владычий дар»² (к Андрею Шептицкому от 2 февраля 1935); «Одна мама умерла, вторая хочет уже умирать, а меня некому к себе взять»³ (к В. И. Морачевскому от декабря 1898).

Чехов: «Когда я бываю серьезен, то мне кажется, что люди, питающие отвращение к смерти, не логичны. Насколько я понимаю порядок вещей, жизнь состоит только из ужасов, дрязг и пошлостей, мешающихся и чередующихся» [1, с. 291–292] (к М. В. Киселёвой от сентября 1886); «Пишите мне, пожалуйста. Что Вы не были на похоронах Свободина, это хорошо. Вообще никогда не ходите на похороны» [1, с. 312] (к А. С. Суворину от октября 1892); «...слабости нет, но снятся архимандриты, будущее представляется весьма неопределенным и, хотя процесс зашел еще не особенно далеко, необходимо все-таки, не откладывая, написать завещание» [1, с. 334] (к А. П. Чехову от апреля 1897).

¹ «На початку січня цього року я тяжко захорював на мозговий удар, а в тиждень пізніше мав запалення легенів <...>. Лікарі осудили, що стан мій грізний, і я тоді продиктував Вам лист зі змістом, щоби Ви <...> справили мені скромний похорон» [8, с. 273]. (Перевод на русский язык писем В. Стефаника наш. – Н. Б.).

² «Від кількох тижнів я хорював, вже думав покидати цей прегарний світ і тому, эксцеленціє, даруйте, що не прислав подяки за Ваш владичий дар» [8, с. 274].

³ «Одна мама вмерла, друга хоче вже умирати, а мене нема кому до себе взяти» [8, с. 265].

Несмотря на такое экзистенциалистское отношение В. Стефаника к явлению смерти, для героев его художественного мира смерть остается тайной, феноменом. На это указывает Т. Ткачук: «...В. Стефаник уводит героев, с одной стороны, в обычную крестьянскую среду, где они должны найти способы выживания в безвыходных ситуациях, с другой – во всемирные измерения, где душа продолжает свое существование после смерти» [9, с. 10]. В произведениях А. Чехова, напротив, читателя действительно поражает отсутствие какой бы то ни было тайны в изображении мотива смерти, обыденное отношение героев к этому явлению. «Вообще приравнивание жизни и смерти, – пишет Р. Киреев, – последовательное, хотя и ненавязчивое приравнивание жизни к смерти, нежелание видеть принципиального отличия между ними очень даже характерно для Чехова» [5, с. 201].

Поэтому доминантным в малой прозе В. Стефаника и А. Чехова является функционирование мотива смерти по двум основным типам. По первому типу герои воспринимают смерть как явление земное, обыденное и могут ожидать смерть как избавление от абсурдности бытия. Такая семантика указанной категории превалирует в творчестве А. Чехова («Актерская гибель», «Следователь», «Скучная история», «Палата № 6», «Скрипка Ротшильда», «Черный монах», «Мужики», «Скука жизни», «Смерть чиновника», «Скорая помощь», «Женское счастье» и др.). А второй тип представляет семантику смерти как страшного явления, где человек испытывает страдания, страх. Второй тип в большей мере представлен в творчестве В. Стефаника («Повесился», «Одна одиношенька», «Катруся», «Межа», «Новость», «Мать», «Случай с детьми» и др.).

Семантика мотива смерти по второму типу художественно представлена в новелле В. Стефаника «Повесился» и рассказе А. Чехова «Госка». В центре обоих произведений – экзистенциальная пограничная ситуация, а именно «смерть сына». Эти два небольших по объему произведения передают страшную боль потери – родители «оплакивают» своих умерших детей. Одиночество и отчуждение героев подчеркивается тем, что оба родителя «говорят в пустоту». В новелле В. Стефаника в углу на скамейке старый мужик плачет: «Чтоб никто не видел его слез, он прятал голову в богато расшитую суму-гайстру. Слезы падали, как дождь. Как неожиданный дождь, что внезапно начинается и тот час же стихает» [7, с. 7]. В рассказе Чехова старый извозчик Иона хочет поделиться своим горем с другими людьми, но его никто не слышит, и единственное, что остается герою – рассказать о своей потере кобыле: «Он одевается и идет в конюшню, где стоит его лошадь. Думает он об овсе, сене, о погоде... <...>. – Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионьча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты

этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?» [2, с. 65]. В этом случае мы видим нивелирование ритуала у Чехова, ведь герой точно знает, что нужно «...поговорить с толком, с расстановкой... Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер... Нужно описать похороны и поездку в больницу за одеждой покойника. <...> Да мало ли о чем он может теперь поговорить? Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать...» [2, с. 64]. Поэтому разговор со старой кобылой является горькой иронией в произведении. Зато ритуал в новелле Стефаника сохраняется несмотря на алогичность ситуации – самоубийство сына: «Слезы капали на мертвого и на холодную белую плиту. Мужик, плача, обряжал сына. Надел на него белую вышитую рубаху, богатый пояс, шапку с павлиньими перьями. Под голову положил расписную тайстру и свечу в головах поставил, чтоб горела по загубленной душе» [7, с. 9].

Уже в начале новеллы В. Стефаника «Повесился» и рассказа А. Чехова «Тоска» нараторы настраивают читателя на негативное восприятие. Природные стихии коррелируют с внутренним состоянием персонажей: «Накрапывал дождь. Мужик совсем съезжился и стал молиться» [7, с. 8] («Повесился»); «Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение» [2, с. 60] («Тоска»). Не случайно, стихии дождя и снега сопровождают мотив смерти в произведениях, ведь они подчеркивают стихийность, алогичность ситуации – смерть детей. И белый цвет, неоднократно встречающийся в небольших фрагментах, меняет свое значение «чистоты», «невинности» на семантику смерти: «Миколай лежал в мертвецкой на большой белой плите» [7, с. 9], «Слезы капали на мертвого и на холодную белую плиту. Мужик, плача, обряжал сына. Надел на него белую вышитую рубаху...» [7, с. 9] (Стефаник); «Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение» [2, с. 60], «Бледность фонарных огней...» [2, с. 60], «Мокрый снег опять красит набело его и лошаденку» [2, с. 62] (Чехов).

Как и природная стихия, так и топос большого города передан враждебно по отношению героям, которые испытывают одиночество, бесполезность в нем. Большой город у писателей приравнивается к аду, водовороту: «Поезд добежал до большого города. Мужик выходил с толпой. На улице остался один. Стены, стены, а между стенами дороги, а вдоль дорог тысячи огней на одну бечеву нанизаны. Огни тонули во мгле, дрожали. Вот-вот сорвутся и настанет черный ад» [7, с. 8] (Стефаник); «... и бросили сюда в этот омут, полный чудовищных огней,

неугомонного треска и бегущих людей» [2, с. 60] (Чехов). Поэтому свет, который должен содержать в себе положительную, живительную семантику, утопает во тьме: «Огни тонули во мгле, дрожали» (Стефаник), «...оумт, полный чудовищных огней...» (Чехов).

Отсюда наблюдаем трансформацию художественного времени и пространства в произведениях. В новелле «Повесился» художественное время и пространство расширяются до космических масштабов, что подчеркивает всеобщность трагедии: «Поезд летел в просторы» [7, с. 7], «Поезд бежал в просторах» [7, с. 8]. Чехов в рассказе «Тоска», наоборот, акцентирует внимание на состоянии «неподвижности»: «Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег... Его лошаденка тоже бела и неподвижна» [2, с. 60], «Иона и его лошаденка не двигаются с места уже давно» [2, с. 60], «Проходит час, другой...» [2, с. 62], «...Иона долго глядит вслед гулякам, исчезающим в темном подъезде. Опять он одинок, и опять наступает для него тишина...» [2, с. 63]. «Тишина» в данном случае возникает не случайно, ведь эпитет «мертвый» довольно часто употребляется со словом «тишина» («мертвая тишина»). И все же, Чехов, как и Стефаник, расширяет пространство до космических масштабов, когда подчеркивает страдания героя: «Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила...» [2, с. 63].

В связи с таким неожиданным вторжением смерти в мир живых, с «неестественностью» ситуации, родители в произведениях хотят «уйти» вместе с детьми в потусторонний мир: «И мне бы вместе с Миколой лечь в могилу! Пусть бы хоть гнили рядом, коли жить вместе не суждено. Пусть над нами и пес не залает на чужбине, лишь бы вместе. Как же ему одному-то на чужой стороне?!» [7, с. 8] (Стефаник). В новелле возникает четкая оппозиция «свой / чужой», где потусторонний мир воспринимается как враждебный, полный опасностей. Отец понимает, что сын, закончив жизнь самоубийством, попадет скорее не в лучший мир: «Скажи ты мне, сколько отслужить панахид, сколько раздать на бедных, чтоб тебе господь греха не зачел?...» [7, с. 9]. Так же герой рассказа Чехова желает как можно скорее «уйти» к сыну, осознает свой путь: «Таперя у меля одна жена – сырая земля... Хи-хо-хо... Могила, то есть!.. Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...» [2, с. 63].

Таким образом, В. Стефаник и А. Чехов воссоздали в своем творчестве как общее кризисное состояние эпохи конца XIX – начала XX в., так и внутренний мир человека эпохи пограничья, что нашло свое отражение и

в інтерпретації мотива смерті. В частині, справедливо отримав В. Б. Катаєв, що Чехов побачив універсальну, загальнолюдську проблему літератури наступного ХХ століття – тему неможливості зв'язу, розірваності, самотності людини серед інших, і все це пізніше знайде своє відображення в творах Кафки, Камю, Абэ [см.: 3, с. 194].

ЛІТЕРАТУРА

1. Бунін І. А. О Чехове / Іван Алексєєвич Бунін. – Нью-Йорк: Изд-во ім. А. П. Чехова, 1955. – 412 с.
2. Чехов А. П. Рассказы / Антон Павлович. – Ленинград: Лениздат, 1972. – 288 с.
3. Чехов А. П. Енциклопедія / [сост. і науч. ред. В. Б. Катаєв]. – Москва: Просвещение, 2011. – 696 с.
4. Хороб С. Есхатологічний тип художнього мислення в новелістиці Василя Стефаника (Функціонування есхатологічного напрямку) / С. Хороб // Шевченко. Франко. Стефанік: матер. міжнар. наук. конф. / Прикарпатський ун-т; [редкол.: Кононенко В. І, Грещук В. В., Салига Т. Ю., Хороб С. І.]. – Івано-Франківськ, 2002. – С. 256–265.
5. Кирєєв Р. Чехов. Посещение Бога / Р. Кирєєв // Нева. – 2004. – № 7. – С. 189–217.
6. Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства / Нина Евгеньевна Разумова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 522 с.
7. Стефанік В. Новелли / Василь Стефанік. – Москва: Наука, 1983. – 288 с.
8. Стефанік В. Моє слово: Новели, опов., автобіогр. та критич. матеріали, витяги з листів / Василь Стефанік: [упоряд., передм. та приміт. Л. С. Дем'янівської]. – [2-ге вид., доп.] – Київ: Веселка, 2000. – 319 с.
9. Ткачук Т. О. Станіслав Пшибишевський і українська література кінця ХІХ – початку ХХ століття: рецепція і типологія: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 01. 05 «Порівняльне літературознавство» / Т. О. Ткачук. – Тернопіль, 2011. – 20 с.

REFERENCES

1. Bunin, I. A. (1955), *About Chekhov [O Chekhove]*, Izdatelstvo im. A.P. Chekhova, New York, 412 p. (in Russian).
2. Chekhov, A. P. (1972), *Stories [Raskazy]*, Lenizdat, Leningrad, 288 p. (in Russian).
3. (2011), *Chekhov, A. P. Encyclopedia*, in Katayev, V. B. (Ed.), [Chekhov, A.P. *Entsiklopediya*], Prosveshchenie, Moscow, 696 p. (in Russian).
4. Khorob, S. (2002), "Eschatological type of creative thinking in the short stories by Vasyl Stefanyk (functioning of the eschatological direction)". *Shevchenko. Franko. Stefanyk. Materials of the International Scientific Conference* ["Eskhatolohichnyi typ khudozhnogo myslennia v novelistytsi Vasyla Stefanyka (Funktsionuvannia eskhatolohichnogo napriamu)"], Shevchenko. Franko. Stefanyk. Materialy mizhnarodnoi naukovoï konferentsii, Ivano-Frankivsk, p. 256-265. (in Ukrainian).
5. Kireev, R. (2004), "Chekhov. Visiting God" ["Chekhov. Poseshchenie Boga"], *Neva*, No. 7, p. 189-217. (in Russian).
6. Razumova, N.E. (2001), *Works by A.P. Chekhov in the aspect of space [Tvorchestvo A.P. Chekhova v aspekte prostranstva]*, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, Tomsk, 522 p. (in Russian).
7. Stefanyk, V. (1983), *Short stories [Novelly]*, Nauka, Moscow, 288 p. (in Russian).
8. Stefanyk, V. (2000), in Demianivska, L.S. (Ed.), *My word: Short stories, stories, autobiography and critical materials, extracts from the letters*, 2nd ed. [Moie slovo: Novely, opovidannia, avtobiohrafia ta krytychni materialy, vytyahy z lystiv, 2-he vyd.], Veselka, Kyiv, 319 p. (in Ukrainian).
9. Tkachuk, T. O. (2011), *Stanislaw Przybyszewski and Ukrainian literature of the late 19th - early 20th century: reception and typology: Author's thesis [Stanislaw Pshybyshewskiy i ukrainska literatura kintsia 19 - pochatku 20 stolittia: retseptsiia i typolohiia: avtoref. dys. ... kand. filol. nauk]*, Ternopil, 20 p. (in Ukrainian).